

Ян СЛАВИК

доктор философских наук,
специалист по этнографии
и древним религиям Индии
Göteborgs University, Sweden

ГЮСТАВ ФЛОБЕР И ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ ВСТРЕЧА (Часть первая)

Мақолада муаллиф Г. Флобернинг «Авлиё Антониянинг васвасаси» асари таъсири остида В. Хлебниковнинг «Зангези» достонидаги шарқона мотивлар устида изланиш олиб боради. Муаллифнинг фикрига кўра, интертекстуаллик атокли отлар даражасида кузатилинади, бироқ, у «ҳар бир ёзувчида ўз фарқига эга», «унинг дунёкарашни ифодалашда фойдаланилган индивидуал усуллари мавжуд». Қолаверса, муаллифнинг диққат марказига нафақат ҳинд исмлари, сўз ва ифодалари, балки ёзувчилар фойдаланган тушунча ва мотивлар киритилган. Айнан шу каби сўзлар ифодаси интертекстуал диалогнинг ўзига хосликларини яшириш билан бир қаторда уни очиб бериш имконини берган.

В статье автор исследует ориенталистские мотивы в сверхповести «Зангези» В. Хлебникова, рожденные под влиянием «Искушения святого Антония» Г. Флобера. Интертекстуальность, по мнению автора, наблюдается, прежде всего, на уровне собственных имен, однако она «отчётливо различна у каждого из писателей», существуют «индивидуальные способы её использования при выражении мировоззрения». Однако в центре внимания автора не только индийские имена, слова и выражения, но и понятия и мотивы, использованные писателями. Именно употребление этих слов скрывает и вместе с тем обнаруживает особенно интересный интертекстуальный диалог.

Author examined the orientalist motives in the *Zangezi* tale by V. Khlebnikov that was written, influenced by *Templation of saint Anthony* by G. Flober. According to the opinion of the author, one can see the intertextuality primarily in the level of proper names. However, it "is clearly different in writings of each of the writers", there are "individual ways of its use in terms of ideology". Still, author not only focuses on the Indian names, words and phrases, and concepts and motifs used by writers. It hides the use of these words and yet finds particularly interesting intertextual dialogue.

Калит сўзлар: ориенталистика, шарқшунослик, интертекстуаллик, «Авлиё Антониянинг васвасаси», Г. Флобер, В. Хлебников.

Ключевые слова: ориенталистика, ориентализм, интертекстуальность, «Искушение святого Антония», Г. Флобер, В. Хлебников.

Key words: orientalistics, orientalism, intertextuality, "Temptation of saint Anthony", G. Flober, V. Khelbnikov.

Вступление: Ночь, книга и два писателя

1918 год, 26 января. Ночь. В России идёт Гражданская война – начало безумия, которое способно потоками крови опустошить всю страну. В комнате, в далёком городе сидит русский поэт и пытается читать книгу. Но город утонул в темноте. Белые заняли одну часть города, красные – другую, а ещё один гость – чума – рыщет вокруг белых стен города. Все железнодорожные пути красны от ржавчины, и пулемёты на двух городских церквях по ночам упрямо обмениваются очередями, которые глухо отдаются в пустынных улицах города. Однако сейчас мертвенно тихо под черными и светлыми лучами неба.

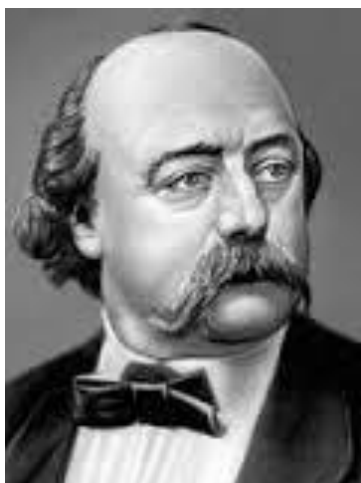
Велимир Хлебников

Этот город называется Астрахань, а имя поэта – Хлебников, Виктор Хлебников, но он величает себя Велимиром. Ночью 26 января 1918 года он создал короткий набросок, всего около трёх страниц без имени, где говорится о книге, которую он той ночью пытался читать и прочитал особым способом.

«Я был без освещения после того, как проволока накаливания проплясала свою пляску смерти и тихо умерла у меня на глазах. Я выдумал новое освещение: я взял «Искушение святого Антония» Флобера и прочитал его всего, зажигая одну страницу и при свете прочитывая другую; множество имен, множество богов мелькнуло в сознании, едва волнуя, задевая одни струны, оставляя в покое другие, и потом все эти веры, почитания, учения земного шара обратились в черный шуршащий *пепел*. Сделав это, я понял, что я должен был так поступить. Я утопал в едком, белом дыму, [носящемся] над жертвой. Имена, вероисповедания горели как сухой хворост. Волхвы, жрецы, пророки, беснователи — слабый улов в невод слов 1000 [человеческого рода, его волн и размеров], — все были связаны хворостом в руках жестокого жреца. <...> И всё это – в дни, когда сумасшедшие грезы шагнули в черты города, когда пахарь и степной всадник дрались из-за мертвого обывателя, и из весеннего устья Волги неся хохот Пугачева – стало черным высокопоучительным *пеплом* третьей, черной розы. Имя Иисуса Христа, имя Магомета и Будды трепетало в огне, как руно овцы, принесенной мной в жертву 1918

году. «...» Я долго старался не замечать этой книги, но она, полная таинственного звука, скромно забралась на стол, и к моему ужасу, долго не сходила с него, спрятанная другими *вещами*. Только обратив ее в *пепел* и вдруг получив внутреннюю свободу, я понял, что это был мой какой-то враг».⁴

Такое драматичное и эмоциональное описание встречи русского поэта и французского литературного текста, написанного за сто лет до этой ночи, вызывает ряд вопросов, в частности, если принять во внимание, что первый текст, который Хлебников издал под своим собственным именем и который был опубликован в журнале «Весна» в 1908 году, назывался «Искушение грешника».⁵ А если одновременно с «Искушением Святого Антония» прочитать «сверхповесть» Хлебникова о пророке Зангези, которая была закончена через четыре года после этой памятной ночи, невозможно не обратить внимания на ряд совпадений. «Зангези» Хлебникова и «Искушение Святого Антония» Флобера начинаются с изображения скалы, на которой аскет пытается найти истину и примирить своё сомнение с непознаваемостью мира.⁶ Одна из последних глав в книге Флобера содержит диалог между Смертью и Жаждой, а в «Зангези» похожий диалог ведут Горе и Смех. Дополняя картину черт сходства, нужно упомянуть, что Флобер начал свою книгу через несколько месяцев после того, как стал свидетелем революции в Париже в 1848 году, а Хлебников написал и создал композицию «Зангези» после гражданской войны в России.⁷

Гюстав Флобер

«Искушение святого Антония» Гюстава Флобер⁸ обычно рассматривается как самое показательное произведение во французском литературном ориентализме. А многие из прозаических произведений Хлебникова и его короткие стихотворения могут рассматриваться в рамках позднего русского ориентализма. Самые важные в этой связи – рассказы

⁴Велимир Хлебников. Собрание сочинений в 6 т/. Ред. Р.В. Дуганов. Т.5. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2004. С. 177.

⁵Там же. С. 35–38.

⁶С этой точки зрения существует также заметное сходство с «Так говорил Заратустра» Ницше.

⁷Эта интертекстуальная встреча Флобера и Хлебникова была отмечена ранее: *Lanne J.-C.* Velimir Khlebnikov: Poète futurien, Paris: Institut d'études slaves, 1983. P. 94; *Cooke R.* Velimir Khlebnikov: A Critical Study. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 175, а также гл. 5. 5; *Дуганов Р.В.* Велимир Хлебников: природотворчества. М.: Советский писатель, 1990. С. 19; *Перцов Н.Н.* Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Вена-Москва, 1995. С. 61, 67; *Гаспаров М.Л.* Считалка богов... // Мир Велимира Хлебникова: статьи, исследования 1911-1998. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 279-293.

⁸Я использую *Œuvres complètes de Gustave Flaubert. La tentation de Saint Antoine. Appendice: versions de 1849 et de 1856.* Paris: Conard, 1924. Указание года по ссылке на страницу свидетельства о верности текста.

«Ка» (1915) и «Есир» (1918–1919), а также несколько коротких стихов и других текстов.

Ориентализм как понятие может толковаться разными, часто не совместимыми друг с другом способами, но каждая форма ориентализма может быть объяснена через интертекстуальность, в первую очередь, рассматриваться как часть сложного процесса обоюдного влияния.

В рамках современного европейского ориентализма можно преимущественно различать ориенталистику – в большей или меньшей степени научное исследование восточных языков и культур и ориентализм – следствие и отображение новых знаний в принимающих культурах. Каждая из форм ориентализма инициирует интертекстуальный диалог, который может длиться столетиями.

Понятие интертекстуальный используется в науке очень широко. Интертекстуальность как теоретический термин используется в разных областях знаний (лингвистике, психологии, социологии, социальной антропологии, философии, сравнительной истории религий), и нашёл применение в разных сферах (в рамках теорий поэтики, семиотики, психоанализа, марксизма, феминизма, постколониализма). В результате понятие интертекстуальности стало слишком многозначным и чрезвычайно поливалентным.⁹

Однако интертекстуальность может также рассматриваться скорее не как категория науки, а как средство для более глубокого и расширенного межкультурного взаимопонимания и диалога,¹⁰ а вместе с тем как единственная понятная манифестация культурной памяти, где все тексты несут в себе память о других текстах и каждая культура является объединением всех предыдущих культур, оставшихся в её памяти.¹¹

«Искушение святого Антония» Флобера несёт следы и фрагменты многих идеологий и религиозных учений, которые включены в многогранный диахронический контекст, отражающий как европейский ориентализм, так и ориенталистику. Это произведение относится к таким текстам, которые не просто несут память огромного количества других текстов, но несут её демонстративно открыто. Также и произведения Хлебникова содержат много мелких фрагментов сложных межкультурных и интертекстуальных влияний.

⁹Для ориентации в развитии интертекстуальных теорий см.: *Orr M. Intertextuality: debates and contexts*, Cambridge: Polity Press, 2003; *Lachmann R. Memory and Literature: Intertextuality in Russian Modernism*. – Minneapolis/London: University of Minneapolis Press, 1997 (Theory and History of Literature; 87). P. 25-35.

¹⁰*Orr, M. Intertextuality: debates and contexts*. Cambridge: Polity Press, 2003. P. 181.

¹¹*Lachmann R. Memory and Literature. Intertextuality in Russian Modernism*. – Minneapolis/London: University of Minnesota Press, 1997.

Чтобы упростить столь запутанное множество, я рассматриваю прежде всего индийские тексты, наблюдения и представления, привлёкшие внимание этих двух писателей.

Являются ли отмеченные совпадения случайными или эти произведения помогут нам раскрыть невидимую связь, существующую между ориентализмом Хлебникова и Флобера? Как проявляется интертекстуальность у каждого из этих писателей? Отражает ли интертекстуальность особенности их мировоззрений?

Гюстав Флобер и европейский ориентализм

Развитие современного ориентализма и ориенталистики было долгим и сложным процессом. Интерес к языкам народов Передней Азии, а позже к южно- и восточно-азиатским языкам, рос по мере расширения контактов средневековой Европы со странами Востока. Этот интерес постепенно привёл к открытиям ряда ранее неизвестных европейцам языков: в 1785 году начали изучение санскрита, в 1793 – пехлеви, в 1803 перестала быть абсолютно непонятной клинопись и в 1822 году удалось объяснить египетские иероглифы. При алчном поиске «допотопных книг» знание языков было очень важным. Теологи и иезуиты искали в старинных книгах Востока искажённые фрагменты ветхозаветных указов и повествований, в то время как гуманисты хотели найти тексты, которые были бы явно старше, чем самые древние части Ветхого завета, чтобы доказать, что Библия не была древнейшей в мире книгой и что её миф о сотворении мира фальшив. Однако теологи и гуманисты дополнили друг друга, и их мысленные пути часто пересекались очень странным образом.¹²

Во Франции научная ориенталистика оформилась значительно быстрее, чем романтический литературный ориентализм. Она была создана маленьким кружком преданных энтузиастов, чья деятельность определила направленность развития европейской ориенталистики и доминирование французского ориентализма в становлении европейских представлений о Востоке. В 1795 году была организована Школа современных восточных языков, исследование восточных религий нуждалось в основополагающем тщательном исследовании восточных оригинальных текстов и памятников.¹³

¹²Наиболее исчерпывающее представление об этом периоде в истории литературы дано в книге: *App U. The Birth of Orientalism*. Philadelphia, Oxford: University of Pennsylvania Press, 2010 (Encounters with Asia).

¹³Описание развития ориенталистики с акцентом на индологию есть в следующих трудах: *Biès J. Littérature française et pensée hindoue: des origines à 1950*. Paris, 1974; *Schwab R. The Oriental Renaissance: Europe's Rediscovery of India and the East, 1680-1880*. New York: Columbia University Press, 1984; *Halbfass W. India and Europe: An Essay in Understanding*, Albany: State University of New York, 1988; *Clarke J. Oriental Enlightenment*:

Арабские, персидские, индийские и китайские тексты, переведённые на латынь, французский и другие европейские языки, а также старинные и современные описания путешествий были первоочередными экзотическими источниками французской и европейской романтики. Кроме того, многие из французских писателей-романтиков ездили в восточные страны. Шатобриан написал свой «Путь из Парижа в Иерусалим и из Иерусалима в Париж» (1811), а Нерваль своё «Путешествие на Восток» (1851). Флобер тоже съездил в Египет и в Средиземноморье после завершения первой версии «Искушения святого Антония», создав своё собственное «Путешествие на Восток» (1849–1852).

П. Брейгель. Искушение святого Антония

Важнейшим источником сюжета «Искушения святого Антония» Флобера стала христианская легенда о коптском монахе Антонии Еремите, жившем в период около 252–356 гг., а местом действия – эллинистическая Александрия. Писатель задумал «Искушение святого Антония» – повествование об исторической личности – после потрясшей его встречи с одноимённым полотном Брейгеля в Палаццо Бальби в Генуе. Конечно, без сомнения, он имел также

The Encounter between Asian and Western Thought. London and New York: Routledge, 1997; Drew J. India and the Romantic Imagination. Oxford, Delhi: Oxford University Press, 1998.

другие источники вдохновения и важные импульсы, существующие в современном ему литературном процессе: такие произведения, как «Каин» Байрона, «Фауст» Гёте и «Агасфер» Кинэ, называют среди образцов для Флобера.

¹⁴ Прежде чем опубликовать текст, он написал три разные версии – в 1849, 1856 и 1872 годах.¹⁵

Текст Флобера необыкновенно визуален, кроме того, он имеет заметные черты коллажа; как и другие его романы, этот текст включает огромное количество цитат из других текстов. Сам святой Антоний странным образом отсутствует в тексте Флобера, он явлен только в его собственных мыслях и видениях, во внутреннем монологе.¹⁶ В тексте представление о нём служит катализатором, источником фейерверка мнений, взглядов и идеологий, которыми Флобер ослепляет и околдовывает своих читателей.

Логически обобщить этот противоречивый текст, конечно, нелегко.¹⁷ Манящие голоса смертных грехов во главе с Сомнением и в союзе с Наукой, представленной в образе Иллариона (ученика Антония), еретики и ереси, все монстры мира, сам Дьявол, который поднимает Антония высоко над Землёй, разнообразные взгляды и представления, большая толпа фальшивых богов, Смерть и Жажда наслаждений – все кружатся вокруг святого Антония в вихре необъятного танца¹⁸, а захваченный им читатель, знающий историю религий, встречает массу знакомых имён.

Несмотря на впечатление фантасмагории, которое может вызвать текст Флобера, даже наиболее жуткие видения Антония имеют свои исторические прообразы. Флобер читал и восхищался Байроном, Шатобрианом, Виктором Гюго и другими великими романтиками, но источники, отражённые в «Искушении Святого Антония», он искал в литературе другого рода. Сведения об этом можно найти в различных местах его огромной корреспонденции, и прежде всего в каталоге книг, созданном в связи с кончиной писателя, и в его

¹⁴ Douchin J-L. Le sentiment de l'absurde chez Gustav Flaubert. Paris: Lettres modernes, 1970 (Archives des Lettres modernes; 110). P. 46.

¹⁵ Первый вариант, содержащий 541 страницу в манускрипте, был сокращён до 193 страниц во втором. Douchin 1970. P. 47.

¹⁶ Séginger G. Le mysticisme dans La Tentation de saint Antoine de Flaubert: la relation sujet-objet. Paris: Lettres modernes, 1984. Séginger (с. 9) говорит о "присутствии отсутствующего" (présence de l'absence).

¹⁷ Анализ структуры этого произведения см.; Foucault M. La bibliothèque fantastique // Travail de Flaubert. Paris: Éditions du Seuil, 1983. P. 111-118.

¹⁸ Séginger G. (1984, p. 12) считает, что реальность в произведении ограничена "кадрилью, которая создана языком и идеями".

¹⁸ Sez nec J. Les sources de l'épisode des Dieux dans la Tentation de saint Antoine. Paris: Vrin, 1940. P. 63; Bruneau J. Le "Conte Oriental" de Gustave Flaubert: Documents inédits. Paris: Denoël, 1973. P. 34.

¹⁹ Sez nec J. Flaubert and India // Journal of the Warburg and Courtauld Institute. Vol 4(1941). S.143. Introduction à l'histoire du Bouddhisme indien (1845) планировался как первый том из четырёх. Это неоконченное произведение стало на многие годы наиболее влиятельным среди книг о буддизме. Его читали Шеллинг, Шопенгауэр, Ницше и Вагнер в Германии, Эмерсон и Торо в США и, естественно, французские писатели. Флобер был одним из многих.

собственных записных книжках с выписками из книг, которые он читал перед тем, как начать работу.¹⁹

«Искушение святого Антония» отображает методическое и чрезмерно усердное изучение материала.²⁰ Среди тех бесчисленных книг, читая которые он искал «повороты и пируэты», чтобы создать «танец воззрений», без сомнения, было несколько тысяч страниц только об Индии и индийских религиях²¹.

Самое многословное отображение индийских представлений в «Искушении святого Антония» – большой монолог Будды, который существует только в последней версии произведения 1872 года.²² Причины этого ясны: он представляет собой очень сжатое, но яркое обобщение легенды *Lalita vistara*, пространной легенды о жизни Будды, первый перевод которой, занимающий более 600 страниц, был опубликован Филиппом Эдуардом Фуко в 1852 году.

Все детали большой фрески Флобера отражают серьёзный сдвиг в развитии европейской идентичности – значительное, но сегодня почти забытое явление, вызванное рождением ориенталистики со всеми её новыми языками и знаниями о мире. Прежнее представление о европейской идентичности и о картине мира, которая строилась вокруг стран Средиземноморья, было исчерпано. Новая картина мира, в которой проступали очертания евразийского континента, уже абсолютно ясно представлена в начале XX века в творчестве Велимира Хлебникова.

Ориентализм в произведениях Велимира Хлебникова

Исторические и географические условия в России были настолько иными, что ориентализм, по форме и содержанию так поразивший западно-европейских романтиков, не мог появиться в русской культуре. Российская Империя и русская культура амбивалентно относились к Европе и Востоку. В отличие от западных колониальных империй Россия имела свой собственный Восток и свои колонии внутри страны, в границах государства. В XIX веке восточные соседи России – бывшие враги или союзники – были подчинены и включены в Российскую Империю. Однако это было не только население завоёванных мусульманских территорий вдоль южных границ Империи, но и степные кочевники, а также жители тундры, ставшие подданными русского царя еще в XVII веке.

Хлебников начинает один из вариантов своих кратких автобиографических заметок следующими словами: «Родился 28 октября 1885

¹⁹Seznec J. Les sources de l'épisode des Dieux dans la Tentation de saint Antoine. Paris: Vrin, 1940. S. 63; Bruneau J. Le "Conte Oriental" de Gustave Flaubert: Documents inédits. Paris: Denoël, 1973. P. 34. А также Seznec J. Flaubert and India // Journal of the Warburg and Courtauld Institute. Vol 4(1941). P. 143.

²⁰См.: Schwab. 1984. P. 64-74; Halbfass. 1988. P. 75.

²¹См.: Seznec. 1949. P. 11; Schwab. 1984. P. 418.

²²Flaubert. 1924. P. 123-128 (1972).

встанемонгольскихисповедующихБуддукочевников – имя ”Ханскаяставка”, встепи – высохшемднеизчезающегоКаспийскогоморя (море 40 имен)».²³

После нескольких лет жизни в Волыни и короткой остановки в Симбирске семья Хлебникова перебралась в Астрахань, где в начале 1900-х было тридцать греческих православных, пять армянских и две католических церкви, восемь мечетей, две синагоги, одна шиитская (персидская) мечеть и буддийский храм для калмыков, живших в городе. Город был важным связующим пунктом торговли с Востоком, и там находились особые места ночлега индийских, персидских и армянских купцов.²⁴

Раньше из Ганга священную воду

В ишурах овечьих верблюды носили,

*Чтоб брызнуть по водам свинцовым на Волге, реке дикарей.*²⁵

Самоидентификация Хлебникова с этим местом и его обитателями прямо выражена в коротком рассказе с чертами автобиографии: «...это я – этот монгольский мальчик, задумавшийся о судьбах своего народа. А вырезанные из дерева слоны смотрели с ворот хурула. Тогда у меня было поручение достать монгольских кумиров, но я его позорно не выполнил».²⁶

В 1898 году Хлебников начал учиться в гимназии, а в 1903 – в Казанском университете. Казань была в его жизни ещё одним азиатским городом, местом встречи Востока и Запада, где христиане жили бок о бок с мусульманами и буддистами. Детство и становление Хлебникова прошло в этом евразийском котле – в этом «треугольнике, соединявшем Христа – Мухаммеда – Будду»,²⁷ где православие уживалось с исламом и индо-тибетским буддизмом в монгольском толковании, что стало самой главной причиной его продолжительного интереса к Индии и Востоку вообще.

Второе звено хлебниковской триады Христос – Мухаммед – Будда, связанное с именем Мухаммеда, те мотивы, которые пробились из исламских текстов, изучалось многими исследователями.²⁸ Эти мотивы очень заметны в творчестве Хлебникова, прежде всего, в стихах, вдохновлённых пребыванием в

²³ХлебниковВ.Творения. – М.: Советский писатель, 1986. С. 641. Стихотворение 1909 года «Меня окружали степь, цветы, ревучие верблюды...» опубликовано в собрании сочинений: Велимир Хлебников. Собрание сочинений в 6 т./Ред.Р.В. Дуганов. Т.1. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000.С. 205.

²⁴Старкина С. Велимир Хлебников. – М.: Молодая гвардия, 2007. С. 115.

²⁵С утробой медной... - Велимир Хлебников. Собр. соч. в 6 т. Т.2. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001.С. 201.

²⁶Нужно ли начинать рассказ с детства?... – Велимир Хлебников. Собр.соч. в 6 т. Т.5, 2004. С. 203.

²⁷Инд-русский союз - Велимир Хлебников. Собр.соч. в 6 т. Т.6, 2005. С. 271.

²⁸Тартаковский П. Поэзия Хлебникова и Восток: 1917-1922 годы. – Ташкент, Изд-во Фан, 1987. Также см.: Хлебниковские чтения: Материалы конференции 27-29 ноября 1990. – С-Пб, Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме, 1991. С. 40-49. Творчество Велимира Хлебникова и русская литература XX века: поэтика, текстология, традиции. – Астрахань, изд-во Астраханского университета, 2009. С. 116-124. Парнис А. Статьи в изданиях: Народы Азии и Африки 1967: 5; Евразийское пространство: звук, слово, образ. – М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 299-344; Русская литература. Вып.55. 2004. С. 353-370.

Иране.²⁹ Я же в данной статье фокусирую внимание на последнем звене названной Хлебниковым триады, чтобы показать трансформацию индийского мировоззрения в его произведениях.

Нераздельность Востока и Запада были восприняты Хлебниковым как лично пережитая им реальность, что оказало влияние и на его картину мира, и на его творчество в значительно большей степени, чем предшествующие и современные формы русского ориентализма, а также более, чем все русские и европейские востоковеды и индологи. В произведениях Хлебникова нет ни снисхождения, ни преувеличенного преклонения перед культурами стран Востока, которые часто встречаются в европейском ориентализме, нет и мотива угрожающего Востока с нападающими монгольскими ордами, что было так популярно в русском символизме.

В 1913 году Хлебников написал поэму «Хаджи-Тархан», которая начинается с описания одинокой горы Богдо, стоящей на равнине недалеко от Астрахани между Волгой и солёным озером Баскунчак. Согласно калмыкской легенде гора была приведена туда с Урала двумя буддийскими монахами. Их поступок сохраняется в памяти народа, хотя никто уже не помнит их имён, говорится в поэме.³⁰ Повествуя об истории народов, об их дружбе, торговле и войнах, Хлебников призывает своего читателя: «Будь пьяным, путник, – пой и пей!»³¹ и уводит его от вечного спора горы и Магомета³² мимо высоких минаретов к высоким римским колоннам, украшенным цветами,³³ к Египту и ассирийским башням в устье Волги, к завершению «Что делать мне, мой грешный рот? Уж вы не те, уж я не тот».³⁴

Богдо – монгольское слово, которое означает «почитаемый» и встречается в таких титулах, как Богдо Геген («благородный свет») – монгольское соответствие тибетского Далай-ламы, или Богдо Хан, бывший одним из религиозных и политических вождей. Калмыки – монгольские номады, о которых пишет Хлебников в своих автобиографических заметках, – являются единственным народом в Европе, принявшим буддизм в XVI–XVII веках.

В указе Николая II о толерантности, вышедшем в 1905 году, было запрещено называть буддистов язычниками и идолопоклонниками. В 1909 году в

²⁹Поэма «Труба Гуль-Муллы». – Велимир Хлебников. Собр.соч. в 6 т. Т.3, 2002. С. 299-317; Иранские стихи. – Велимир Хлебников. Собр.соч. в 6-ти томах. Т.2, 2001. С. 178-215.

³⁰Где Волга прянула стрелою / На хохот моря молодого, / Гора Богдо своей чертою / Темнеет взору рыболова. / Слово песни кочевое / Слуху путника расскажет: / Был уронен холм живой, / Уронил его святой – / Холм, один пронзивший пажить! / А имя, что носит святой, / давно уже краем забыто. – Велимир Хлебников. Собр.соч. в 6 т. Т.3, 2002. С. 121, 446.

³¹Там же. С. 122.

³²Ах, вечный спор горы и Магомета, / кто свят, кто чище и кто лучше - Там же. С. 122.

³³Большая часть этих мотивов из средневековой хроники «Казанская история», которая была издана в Санкт-Петербурге в 1903 году. Об этом см. в Примечаниях – Собр.соч. в 6 т. Т.3, 2002. С.446.

³⁴Велимир Хлебников. Собр.соч. в 6 т. Т.3, 2002. С. 127. Анализ и толкование поэмы: VroonR. «Хаджи-Тархан» Велимира Хлебникова и ломоносовская традиция // Русская литература, 9. 1981. С. 107-131.

Санкт-Петербурге начали строить буддийский храм. Если не считать храмов в Калмыкии, это был первый буддийский храм в Европе. Первый общественный ритуал в этом храме был проведён в 1915 году, во время Первой мировой войны, с целью обеспечить и укрепить будущее династии Романовых.

Всё это – исторические события и аспекты русского ориентализма, отражённые в творчестве Хлебникова лишь в отдельных трудно толкуемых словах и необъяснённых им именах, потому и не попавших в более широкий контекст исследований.³⁵ Более ясные элементы ориентализма часто толковались пристрастно, они рассматривались и как научные высказывания, и комментировались с большой изобретательностью, но значительно меньшей надёжностью.³⁶

В отличие от Флобера Хлебников не оставил после себя ни библиотеки, ни записных книжек, заполненных выписками. В оставшемся после него «архиве» подчас трудно отличить заметки во время чтения от набросков и черновиков его собственных стихов. И всё же спонтанное чтение отражено во всём его творчестве.

Он заимствует мотивы и идеи естественных наук так же свободно, как образы народных поверий, древней литературы и мифов. Источники идей естественных наук Хлебникова – это и статьи из газет, и математические, исторические и этнографические диссертации.³⁷

Город детства Астрахань был для Хлебникова «окном в Индию»,³⁸ но так же, как и в «Искушении святого Антония» Флобера, прямые и косвенные указания на индийские мотивы в его произведениях многочисленны. Его стремление к Индии и фрагменты индийских представлений встречаются как в поздних, так и в ранних стихах, начиная со «Зверинца» (1908), где «верблюд знает разгадку буддизма»,³⁹ и проходят через «вы, сладкозвучные Индии дочери...» – стихотворение, написанное в 1915 году,⁴⁰ до «Досок судьбы» (1922), где среди своих хронометрических вычислений Хлебников вставляет начало *Калиюги*, последней из четырёх эпох развития мира в индийской космологии, и

³⁵См.: Чанинова Р.М. Калмыцкий компонент // Творчество Велимира Хлебникова и русская литература XX века: поэтика, текстология, традиции. – Астрахань, изд-во Астраханского университета, 2009. С. 316-319. Толкование «евразийской программы» Хлебникова см.: Парнис А. 2003, 2004.

³⁶См.: Статью Лошчика и Турбина в сб.: Народы Азии и Африки, 1966:4; MirskyS. DerOrientimVelimirChlebnikovsWerk. – Munchen: OttoSagner, 1975; Тартаковский 1987 и 1991. Парнис А. Анабасис Велимира // Евразийское пространство: звук, слово, образ. – М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 267-298.

³⁷Первым открыл у Хлебникова “текст в тексте” Хенрик Баран и развил эту мысль в целом ряде статей.

³⁸Цитата из статьи «Открытие народного университета». Велимир Хлебников. Собр.соч. в 6 т. Т.6 (1), 2005. С. 145.

³⁹Велимир Хлебников. Собр.соч. в 6 т. Т.5, 2004. С. 41.

⁴⁰Ни хрупкие тени Японии, / Ни вы, сладкозвучные Индии дочери/ Не могу звучать похороннее/ Чем речи последней вечери... Велимир Хлебников. Собр.соч. в 6 т. Т.1, 2000. С. 330.

соответствующее понимание циклического времени.⁴¹ В его текстах оставили следы индийские представления о циклическом космическом времени и о трансмиграции душ.⁴²

Рассказ Хлебникова «Есир» (1918/19)⁴³ можно бы было рассматривать как пример типичного европейского ориентализма, где ряд образов индийских исторических личностей лишь упомянут вскользь, но с коротким живописным изображением деталей мест в Индии и Центральной Азии, с анахронизмами, с некоторыми историческими и географическими неточностями, с вступлением к индуистской утренней молитве, процитированной на санскрите,⁴⁴ в ней даже изображена юная полячка с голубыми глазами и золотыми волосами, завернутая в полупрозрачную вуаль, едущая на верблюде в восточный гарем. Описание пятилетнего пребывания героя рассказа Истома состоит из клишированных этнографических деталей, которые даже сегодня ассоциируются с Индией: заклинатели змей, индуистские храмы, населённые верующими, священниками и обезьянами, йогами, аскетами и ереmitами. В последнем отрывке сказано, нельзя сказать, что неожиданно, о «мировой душе» Брахме и «иллюзии мира» Майе.

Упомянутую утреннюю молитву, которая в рассказе процитирована на санскрите, Хлебников взял из книги Эдварда Тейлора «Первобытная культура», изданной в 1873 году, которая хранилась в библиотеке его родителей.⁴⁵ При этом образцом для рассказа послужило знаменитое изображение купцом Афанасием Никитиным путешествия в Индию в его «Хождении за три моря» (XV век), а прежде всего – приключения голландского парусных дел мастера Иоганна Струиса. В период между 1647 и 1651 годами он был в Индии и на Мадагаскаре, в конце 1660-х – начале 1670-х годов ходил под парусами в Каспийском море и вокруг него, попал в плен в Дагестане, был несколько раз перепродан, попал в Персию и в конце концов на Яву, и оттуда в 1673 году вернулся в Голландию. Его записки с комментариями были опубликованы в «Астраханском сборнике 1» (1896)⁴⁶, который тоже, скорее всего, хранился в библиотеке семьи Хлебниковых. Рассказ был написан Хлебниковым во время одного из длительных визитов в дом его детства в Астрахани, где он мечтал о путешествии в Персию или Индию.

⁴¹ Доски судьбы, лист 2. – *Velimir Chlebnikov. Gesammelte Werke* III. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972 (Slavische Propyläen: Texte in Neu- und Nachdrucken; 37, III). S. 492.

⁴² Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике культуры. – М.: Языки русской культуры, 2000. С. 387.

⁴³ Велимир Хлебников. Собр.соч. в 6 т. Т.5, 2004. С. 187-201.

⁴⁴ Оншептал, беззвучношевелиягубами: «ТатСавитарварениамбхаргодхимахидхиИонахпракодайтатдевазия» («Станемдуматьосолнечномбоге, онвзошелосветитьнаширазумы») – Велимир Хлебников. Собр.соч. в 6 т. Т.5, 2004. С. 201. Эта молитва из Риг Веда III, 62.10.

⁴⁵ Там же. С. 427. Знаменитый антрополог Э.-Б. Тейлор издал свою книгу «Примитивная культура» в 1871 году, значит, русский перевод был опубликован только на 2 года позже.

⁴⁶ См.: Дуганов и Арензон. Примечания в кн.: Велимир Хлебников. Собр.соч. в 6 т. Т.5, 2004. С. 425.